

ДЭВИД БЛУР

Витгенштейн как консервативный мыслитель¹

1. Вступление

Я хочу показать, что для понимания работ позднего Витгенштейна следует рассматривать его в качестве консервативного мыслителя, или, точнее говоря, читая *Философские исследования*, следует рассматривать эту работу как документ, воплощающий в себе консервативный стиль мышления.² Очень важно понимать, что здесь имеется в виду под словом «консервативный». Я буду заимствовать свое определение «консервативной мысли» из очерка с тем же названием, написанного социологом Карлом Мангеймом. Его можно найти в *Очерках по социологии и социальной психологии*, опубликованных в 1953 г.

Мне нужно сделать три вещи. Во-первых, я должен объяснить, что Мангейм имел в виду под консервативным стилем мышления³. Во-вторых, мне нужно представить свидетельство о том, что поздние работы Витгенштейна соответствуют характеристикам этого стиля. В-третьих, мне нужно выяснить следствия из данного факта и исследовать его импликация.

¹ Это текст лекции, прочитанной в Институте современных исследований (Institute for Advanced Studies) в Вене 13 июня 1994 года. В статье я сохранил неформальный лекционный стиль.

² В дальнейшем я буду использовать аббревиатуру PI для *Философских исследований*, CV для *Культуры и ценности*, LCA для *Лекций и бесед по эстетике*, LFM для *Лекций по основаниям математики*, RFM для *Замечаний по основаниям математики*. Библиографические детали можно найти в списке цитируемых работ.

³ Технический смысл этого используемого Мангеймом обозначения нельзя путать с некоторыми нынешними политическими коннотациями слова «консервативный». Во многих отношениях данные коннотации противоположны смыслу, вкладываемому в это понятие Мангеймом. Например, радикальный переход к свободному рынку является (и направлен на) то, чтобы разрушать традиционные институты. Как бы ни называли себя идеологи свободного рынка, они не являются консерваторами.

Однако сперва мне следует пояснить цели и преимущества этого проекта в целом. Здесь возникает вопрос: зачем предпринимать такого рода «стилистическую» интерпретацию? Ответ на него и обоснование для всего предприятия определяются явной трудностью понимания Витгенштейна без какого-либо путеводителя, шаблона или карты. Чтобы избежать поверхностности, любому читателю *Исследований* Витгенштейна необходимо сформировать базовую гипотезу, разъясняющую содержание работы. Чтобы использовать термины, заимствованные у самого Витгенштейна, нам потребуется обозреть его творчество в целом, что возможно в том случае, если нам известно, каким образом следует прокладывать путь среди его отдельных частей, и если мы рассматриваем его в правильной перспективе. Слишком легко зацепиться за изолированные части текста и заняться их интерпретацией. Чувство структуры позиции необходимо для того, чтобы сохранять пропорциональный взгляд на вещи. Так что позвольте мне подготовить почву для трех шагов моей аргументации, кратко обозрев главную проблему в понимании Витгенштейна.

2. Проблема понимания Витгенштейна

Любой читатель *Исследований* может относительно легко установить, чему посвящена эта книга. У него не будет проблем с восприятием некоторых главных особенностей позиции Витгенштейна. Довольно очевидно, что его интересы были связаны с природой мысли и языка. Он ставит вопрос о «значении», а именно: каким образом наши слова и мысли что-то означают? Ясно, что в общем он отрицает идею, согласно которой значением слова является обозначаемая этим словом вещь. Также очевидно, что он не считал правильной теорию о том, что значением слова является ментальный образ или картина, которая появляется перед нашим сознанием, когда мы слышим слово. Его позитивная точка зрения состояла в том, что в подавляющем числе случаев значением слова является его *употребление* (PI, § 43). «Значение — это употребление» — таков общеизвестный лозунг. Значение находится не просто вне нас (в вещах) или в нас (в наших сознаниях). Оно находится где-то посередине: но где? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, и для того, чтобы определить местоположение значения, Витгенштейн отсылает нас к тому, что он называет обычаями, практиками, конвенциями и институтами.

Витгенштейна можно также рассматривать как человека, озабоченного правилами и следованием правилам. Например, он говорил, что следование правилу в случае его окончательного анализа не может быть понято как процесс интерпретации. Следование правилу в процессе интерпретации означает по сути дела следование правилу, используя другое правило (то есть правило интерпретации первого правила). Правила для следования правилам ведут нас к бесконечному регрессу и поэтому он за-

ключил, что должен существовать способ следования правилу который бы не являлся интерпретацией. Как он утверждал, в конечном счете мы следуем правилам *слепо* (PI, § 219). Эта метафора совершенно поразительна, и она появляется вместе с акцентом на важности обычаев. Отсюда следует следующее его утверждение в *Исследованиях*:

Следовать правилу, делать сообщение, давать задание, играть партию в шахматы – все это *практики* (применения, институты) (PI, § 199).

Все это будет ясно всякому, кто просто откроет книгу и начнет читать. Но будет также ясно и нечто помимо этого. *Исследования* не являются обычной книгой: в ней нет глав и их заглавий, а есть просто пронумерованные параграфы и серии заметок. Рассматриваемые вопросы сменяются без предупреждения и трудно установить посылки и заключения аргументов Витгенштейна. Другими словами, в книге нет того стандартного формата и рациональной организации, которые мы вполне можем ожидать от книги по философии. Витгенштейн говорил, что он не хотел ни нарушать естественное течение своей мысли, ни направлять его в русла, навязанные ему извне вместо тех, которые были бы продиктованы природой самого исследования. Зачастую результатом является замешательство читателей, так как они не знают, в каком направлении движется аргументация. Поэтому не удивительно, что в отношении главного направления мысли Витгенштейна различные читатели расходятся, и причем в сильной степени. Позвольте мне перечислить несколько из этих расходящихся между собой прочтений:

- (i) Некоторые полагают, что Витгенштейн развивал некую разновидность идеализма и видят в этом отголоски Канта. Другие вообще наличие *какого бы то ни было* идеалистического элемента в его работе.
- (ii) Некоторые усматривают аналогии с работами Дэвида Юма и его скептицизмом. Другие отрицают присутствие у Витгенштейна какой бы то ни было разновидности скептицизма.
- (iii) Некоторые обнаруживают у Витгенштейна особую форму бихевиоризма; другие отрицают то, что он был бихевиористом.
- (iv) Одни полагают, что Витгенштейн усвоил социологически ориентированный взгляд, в то время как другие настаивают на том, что он был индивидуалистом.

Вы можете видеть сами, что происходит. Читатели Витгенштейна пытаются – вполне обоснованно – уподобить его другим известным мыслителям и связать его с другими интеллектуальными традициями. Известно, что иногда говорят об уникальности Витгенштейна и о том, что его невозможно подогнать ни под какую из существующих категорий или школ мысли, но это мнение меньшинства. Я же нахожусь на стороне большинства. Понимание Витгенштейна включает в себя нахождение связей и аналогий с существующими традициями. Проблема, правда, заключается в нахожде-

нии правильного сравнения. Теперь я представлю свой излюбленный объект для сравнения – консервативную традицию Мангейма. Разбираясь с тем, что, я надеюсь, является разумным доводом в пользу сравнения Витгенштейна с этой традицией я также предложу объяснение того, почему, вообще говоря, так трудно классифицировать его деятельность.

3. Мангейм о консерватизме

Явление, которое Мангейм называет консервативным стилем мышления, выросло по большей части из реакции на опыт французской революции 1789 года. Это было явление конца 18-го и первых десятилетий 19-го веков. Мангейм сосредотачивается в основном на его появлении в Германии и Австрии, хотя оно имело свой аналог, а в какой-то мере и вдохновляющий его пример в Англии. Проявление консервативного мышления в Англии связано с именами Эдмунда Бёрка (1720-1797) и Самуэля Тейлора Кольриджа (1772-1834). Из немцев Мангейм наиболее часто цитирует Юстуса Мёзера (1720-1794) и Адама Мюллера (1779-1829). Консервативная идеология, разрабатываемая этими мыслителями, не была, как говорит Мангейм, простым и естественным выражением традиционного образа жизни, но чем-то, что было спровоцировано той угрозой этому образу жизни, которую ощущали определенные социальные группы. Нерелективный традиционализм был, таким образом, принужден (до некоторой степени против собственной природы) артикулировано оправдывать сам себя. В силу этого консерватизм имел склонность к определению себя через отрицание того, чему противостояли его защитники. Их оппонентом была, конечно, идеология, связанная с Революцией, и те социальные группы, о подъеме которых возвестила Революция. Мангейм таким образом представляет нам две противостоящих друг другу исторически ограниченных идеологии и стиля мышления. Он называет их соответственно стилем «естественного закона» и «консервативным» стилем. Идеология естественного закона называется именно так в силу своей связи с доктринами Просвещения, например той, которая опиралась на естественные права человека, с мифом о естественном состоянии и с идеей общественного договора. Идеологи консерватизма стремились создать идеологию, которая во всех отношениях представляла бы альтернативу идеологии естественного закона того времени. Они также пытались пойти дальше этого, обнаружить и подвергнуть сомнению основные предпосылки, которые казались лежащими в основе притязаний, характерных для этой последней.

Рассмотрим эту оппозицию или некоторые из ее наиболее примечательных признаков, основываясь на сопоставлении отдельных положений. В качестве наиболее репрезентативных я остановлюсь здесь на четырех пунктах.

- (i) Согласно Мангейму, идеология естественного закона основывается на апелляции к Разуму и принципам суждения, обладающим не зависящей от времени значимостью. В противоположность этому консерваторы апеллируют к Истории и локальной и изменчивой основе понимания и жизни. Они всегда будут разыскивать связь данного явления с конкретным местом и временем.
- (ii) Мыслители, разделявшие идеологию естественного закона, принимали абстрактный и, по возможности, количественный подход. Они хотели обнаружить всеобщие принципы, исходя из которых можно было бы подходить к обществу и критиковать как его, так и принципы управления человеческими поступками. Для того, чтобы противостоять этому, консерваторы указывали на преимущества конкретного и качественного. Они сомневались в применимости всеобщих принципов к запутанной системе человеческих действий. Природа человека и общества является слишком сложной для того чтобы быть сведенной к простым правилам.
- (iii) Мыслители, придерживающиеся естественного закона, часто применяли и восхищались дедуктивными формами рассуждения, двигаясь от общих посылок к частным заключениям. Разработка ими письменных конституций и абстрактных экономических теорий является выражением этих тенденций. Консервативные мыслители, напротив, склонялись к индуктивному стилю, начиная с частных случаев и проявляя нежелание поднимать обсуждение на уровень всеобщности и абстракций.
- (iv) Сторонники естественного закона склонялись к атомистическому подходу, то есть, разделению объекта на части для их последующего изучения и объяснению принципов их работы в терминах механических моделей. Консервативные мыслители противостояли этому, подчеркивая органические принципы понимания и предпочитая холистические способы мышления.

Консервативное чутье прекрасно иллюстрируют рассуждения Бёрка по поводу политических неудач Франции. Он утверждает, что все они проистекают из одного источника: «внимание только к определенным всеобщим максимам без учета обстоятельств, времени, места, конъюнктуры и действующих субъектов» (Burke, 1910, p. 277). Картина становится ясной и, возможно, чрезвычайно знакомой. Одна сторона говорит о правах индивидов, другая об обязанностях перед обществом. Одна сторона ищет реформ и прогресса, другая говорит о мудрости традиции и об опасностях, лежащих впереди. Одна сторона желает норм, по которым судить общество, другая настаивает на том, что нормы произрастают из самого общества. Идеологическая полезность и социальный контекст использования этих идей очевидны. Они являются идеологическими выражениями противостоящих друг другу социально ограниченных интересов. Мангейм удачно подытоживает оппозицию между двумя стилями в

терминах серий предпочтений. Например, консервативный мыслитель предпочтет:

1. конкретное — абстрактному
2. историю — разуму
3. практику — теории
4. норму — правилу
5. жизнь — мышлению

Мангейм, конечно, не просто выписывает «контрольный перечень» так же, как это сделал я в целях удобства изложения. Он акцентирует встроенность в исторический контекст частных формулировок данных тем и рассматривает как стиль естественного закона, так и консервативный стиль как развивающиеся и изменяющиеся традиции. Ни европейское Просвещение, ни консервативная реакция на него не были просты и неизменны. В связи с изменяющимся во времени характером этих традиций, необходимо что-нибудь сказать о том, каким образом, например, эмпирическая естественная наука встраивается в эту картину. Пока еще я не сказал ничего о той роли, которую она играет в нашем рассказе. Я вернусь к этой проблеме в свое время.

Теперь то, что касается второго вопроса. Какое место занимает Витгенштейн по отношению к категориям Мангейма? Когда я впервые читал очерк Мангейма, я уже был хорошо знаком с поздним творчеством Витгенштейна. Как и большинство читателей, я воспринимал его как нечто очень глубокое, но трудное для понимания. Я чувствовал сильную внутреннюю связность, чрезвычайно определенный *характер* мысли, но чувствовал себя неспособным выразить это в ясных терминах. Затем я спонтанно и очень сильно был поражен тем, что казалось очевидным сходством между *Исследованиями* и тем, что говорил Мангейм о консерватизме. Я чувствовал, что Мангейм практически мог описывать работы Витгенштейна. Я не способен, и даже не буду пытаться вызвать в вас то же переживание, но я обозначу некоторые основания, вызвавшие наконец у меня чувство раскрытия, если можно так выразится, того духа, которым преисполнено творчество Витгенштейна⁴.

4. Витгенштейн как консерватор

Позвольте мне тщательно разобрать каждый из четырех характерных пунктов противостояния стиля естественного закона и консервативного стиля и рассмотреть, как относятся к ним работы Витгенштейна. Другими словами, давайте посмотрим, подпадает ли он, и в какой степени, под эти категории.

⁴ Такие же соответствия, конечно же, поражали и других. Сходство между Витгенштейном и Бёрком отмечено у Уолша (1969, стр. 122). Уинч (1965, стр. 45-65) ищет связь с Оукшотом, но пытается, я думаю — неубедительно, провести между ними различие.

(i) Во-первых, рассмотрим оппозицию Истории и Разума. Если что-то очевидным образом и отсутствует у Витгенштейна, то это именно какой бы то ни было явный интерес к истории. *Философские исследования* являются исключительно не-историчным документом. Как следствие, может показаться как будто выдвигаемое мной сравнение Витгенштейна со сторонниками консервативного стиля проблематично. Оно кажется неспособным преодолеть первое же препятствие.

Однако решение этого вопроса не зависит от того, писал ли Витгенштейн явным образом об истории или использовал ли он явный исторический материал. Это утверждение говорит не о том, что консервативный мыслитель будет использовать исторический материал, в то время как сторонник естественного закона не будет. Как-никак, многие мыслители, придерживающиеся естественного закона, писали об истории (потому что они обладали сильным чувством исторического прогресса), но их исторические интересы не делают их консервативными мыслителями, следовательно, допустимо и обратное. Вопрос должен быть сформулирован иным и более глубоким образом. Действительная проблема состоит в отношении ко времени, а также в отношении к настоящему моменту времени. Мангейм ясно высказывает это, когда говорит о том, что для прогрессивного, принимающего естественный закон мыслителя *настоящее является началом будущего*. Напротив, для консервативного мыслителя *настоящее является итогом прошлого* (Mannheim 1953, p. 111). Для «прогрессиста» существует закон прогресса и набор аисторичных, вечных принципов, управляющих тем, что происходит во времени. В будущее нас влекут законы разума. Если мы понимаем это, то мое сравнение начинает выглядеть намного более перспективным. Стремление Витгенштейна понять значение и мысль неизбежно затрагивает вещи укорененные в прошлом и произрастающие из него. Он никогда не рассматривает их как то, что указывает вперед, в будущее, так, словно бы они могли спокойно ожидать наших действий.

Я уже процитировал ключевое место, где говорится о том, что когда мы следуем правилу, то мы не выбираем, а следуем слепо. Возьмите простой случай следования правилу счета, состоящего в прибавлении двух единиц, то есть задания последовательности 2, 4, 6, 8, 10... По-видимому, естественное понимание этого правила будет состоять в том, что мы обладаем некоторой определенной интенцией в нашем сознании. Мы обладаем правилом в нашем сознании, а значение правила заранее определяет то, что мы должны сказать, например, когда мы достигаем 1000, мы должны продолжить и сказать 1002. Обратите внимание, что в этой картине состояние нашего сознания в настоящем является началом будущего действия. Но это именно то, что отрицает Витгенштейн. Актуальное состояние сознания того, кто следует правилу и намерен следовать ему и далее, не «содержит» будущего действия некоторым мистическим образом. Скорее, актуальное состояние является просто продуктом прошлого, результатом тренировки, обучения. Мен-

тальное состояние не устремляет своей взгляд вперед, и ему это не нужно. В самом деле, для Витгенштейна оно не может устремлять свой взгляд вперед, так как оно слепо. В характерном пассаже он выразил это таким образом:

«А не хочешь ли ты сказать, что выражение «+2» оставляет тебя в сомнении, что, к примеру, следует записывать после 2004?» — Нет, я отвечаю без колебаний: «2006». Но именно поэтому излишне полагать, что это было заведомо установлено. То, что при таком вопросе у меня не возникает сомнений, вовсе не означает, что ответ на него уже имелся заранее (RFM I-§3)⁵.

Сказанное совершенно ясно. Нет нужды в том, чтобы настоящее содержало в себе будущее — это было бы излишне. Достаточно уже того, что оно содержит прошлое. Нам не нужно смотреть вперед; прошлое сейчас при нас и этого достаточно.

Это положение может быть обобщено. Представление о том, что нам необходимо или что мы можем основывать наши действия на некоторых вне-временных, аисторических принципах, является ошибочным. Обоснование разумом необходимо отбросить. Мы не можем найти основание для всего. В качестве безусловного фундамента всего нам следует признать случайность, лишённую оснований. Консервативные мыслители, или наиболее строгие и последовательные из них, принимали иррациональность реальности. (см. Mannheim 1953, p. 117.) Такого рода допущение представлялось невозможным и непостижимым для сторонников естественного закона. В этом пункте ориентация Витгенштейна на консерваторов ясна и несомненна.

Опасность здесь в том, что мы ищем, как мне думается, оправдание своему действию там, где этого оправдания не требуется и где мы должны просто сказать: *мы делаем это вот так* (RFM II-§74)⁶.

В этом месте следует обратить внимание на ясное подтверждение приоритета бытия над мышлением. Рационалистические философы, которым он противостоял, не приняли бы факт того, что «мы делаем это вот так», в качестве фундамента или основания наших практик, мыслей и значений (RFM III-§31).

(ii) Как насчет консервативного предпочтения конкретного и качественного абстрактному и количественному? Чтобы показать ориентацию Витгенштейна на консерваторов, я возьму только одну тему из этой рубрики. Рассмотрим ряд его заметок, собранных вместе в *Замечаниях по основаниям математики*. Именно здесь мы могли бы ожидать демонстрации преимуществ абстрактного и количественного, но именно здесь Витгенштейн противостоит им с наибольшей силой. В то время как многие другие влиятельные мыслители из окружения Витгенштейна, такие как Рассел, Уайт-

⁵ Л. Витгенштейн. Философские работы. Часть II. М., 1994. С. 4-5. — Прим. перев.

⁶ Указ. соч. С. 105. — Прим. перев.

хед и Фреге, пытались показать, что математика сводима к абстрактным, логическим принципам, Витгенштейн приводил доводы в пользу прямо противоположного заключения. Для Витгенштейна программа Рассела-Фреге, заключающаяся в выражении всех математических понятий в универсальном, строго формальном символизме, была катастрофой. Он называл его «гибельным посягательством».

Словно одежды, окутывающие человеческую фигуру, знаки Рассела вуалируют до неузнаваемости важные формы доказательства (RFM II-§25)⁷.

Образ здесь ясен. Математическая логика Рассела является мумифицированной формой реального, живого тела действия. Программа логицистов основана на костных и мертвых ценностях; реальная деятельность математика слишком тонка для того чтобы быть схваченной в этих терминах.

Интересно сравнить полемику Витгенштейна против вторжения логики в математику с консервативной полемикой против вторжения рационализирующих принципов и правил в управление действиями людей. Вот как, например, Юстус Мёзер критикует тенденцию к созданию управляющей центральной бюрократии.

Господин из [центральной администрации] захочет, по-видимому, увидеть все сведенным к простым принципам. Если они достигнут своей цели, государство будет управляться в соответствии с академической теорией и для каждого советника станет возможным отдавать приказания должностным лицам на местах согласно общему плану... Это фактически означает отклонение от истинного замысла Природы, которая проявляет свое богатство в разнообразии; это прокладывает дорогу деспотизму, который желает управлять всем при посредстве немногих правил и, поступая таким образом, теряет богатство разнообразия (Mannheim 1953, p. 143).

Теперь вернемся к доводам Витгенштейна против вторжения логики в математику. Его недовольство сводится именно к тому, что это изменение упускает богатство разнообразия. Он говорил что математика является попури, то есть смесью цветов.

Готов утверждать: математика — это ПЕСТРАЯ СМЕСЬ (*ein buntes Gemisch*) техник доказательства. — И на этом основывается возможность ее многообразного приращения и ее важность (RFM III-§46)⁸.

Он продолжает:

Расселовское обоснование математики как бы запаздывает с введением новых техник — до тех пор, пока наконец не сочтут, что они уже больше вовсе не нужны (RFM III-§46)⁹.

⁷ Указ. соч. С. 82. — Прим. перев.

⁸ Указ. соч. С. 90. — Прим. перев.

⁹ Указ. соч. С. 92. — Прим. перев.

Позвольте мне проиллюстрировать это на конкретном примере. Одной из простейших техник арифметики является деление. Витгенштейн доказывает, что вы не сможете научить никого делению, основываясь на логическом исчислении Рассела (RFM III-§52). Конечно, нечто в логическом исчислении «соответствует» арифметической пропозиции, которая гласит, что *это* деленное на *то* дает в итоге *то-то* и *то-то*. Но, говорит Витгенштейн, даже если одно соответствует другому, то оно не является функционально эквивалентным. Оно не может играть такую же роль в жизни сознания: оно даже не может быть использовано для того, чтобы научить нас делению. Таким образом, я утверждаю, что воспевание Витгенштейном математики как смеси из разных техник, которая исчезает в рационализациях логика, является просто вариантом сожаления консерватора насчет утраты социального разнообразия в процессе бюрократической рационализации.

(iii) Как насчет консервативного акцента на индуктивный а не дедуктивный метод мышления? Обычно Витгенштейна интересует самый сложный из возможных случаев. Он недвусмысленно хочет выжать до конца эту тему перед лицом всей оппозиции. Он выдвигает аргументы в пользу того, что даже математическое доказательство не является той неприступной цитаделью абстракции и дедуктивного рассуждения, какой оно кажется. Он говорит, что математические доказательства работают по аналогии и, конечно, аналогия обычно (и справедливо) считается случаем не-демонстративного рассуждения, другими словами, индукции. Таким образом, он говорит,

Доказательство фактически продвигается шаг за шагом при посредстве аналогии — при помощи образца. — Математическое заключение может быть представлено в форме «я признаю это аналогичным тому» (LFM p. 62-3).

Что в данном контексте Витгенштейн имеет в виду под «аналогией»? Я могу проиллюстрировать то, что, как я думаю, он имел в виду на следующем простом примере. Начиная изучать исчисление бесконечно малых обучается рассматривать некоторую область как совокупность малочисленных составляющих. (Такова одна из техник той математической смеси, о которой говорилось выше.) В прошлом, на протяжении длительного времени эта идея не просто помогала в обучении, но и направляла мысль профессиональным математикам, работающим с исчислением. Они разрабатывали свои техники в терминах «бесконечно малых». Позднее, в 19 столетии, они пришли к мысли о том, что такой подход не обладает должной строгостью и начали использовать другие техники, основанные на новых идеях о пределах. Однако позже старой идее была дана новая утонченная формулировка и, таким образом, то, что выглядело как тупик, в какой-то степени получило продолжение. Можно видеть, что исторически предпочтительные аналогии появляются и исчезают — и их восход и падение кажутся непредсказуемыми. Это происходит в силу аналогического и исторического основания

доказательства, о котором Витгенштейн сказал: не рассматривайте доказательство как нечто *принуждающее*, но как нечто, *ведущее* вас (RFM IV-§30).

(iv) Наконец, позвольте мне обратиться к органическому и холистскому характеру консервативной мысли. Холистские тенденции легко обнаружить в работах Витгенштейна тогда, когда вы знаете, что именно нужно искать. Важным моментом, на который стоит обратить внимание, является то, что можно назвать «единицей анализа» Витгенштейна. Под этим я подразумеваю базовую идею, которую он использовал в своем анализе языка. Такой единицей не является ни изолированное слово, ни абстрактная пропозиция. Скорее это единица, определяемая при помощи его знаменитой метафоры «языковой игры». Он говорил:

Термин «языковая *игра*» призван подчеркнуть, что говорить на языке – компонент деятельности или форма жизни (PI §23).

Отметьте, каким образом выбор игры в качестве единицы анализа ведет нас от индивидуального действия к социальному контексту. Процитированное выше предложение движется от разговора к деятельности, к форме жизни. Этот процесс контекстуализации был безусловно центральным для подхода Витгенштейна. «Только в потоке мышления и жизни слова обладают значением» (Z §173). Цитаты подобные этой выявляют типично холистские и даже виталистские тенденции его мышления.

На данной стадии аргументации мы уже должны быть способны предсказать его отношение к механистическому мышлению, связанному с традицией естественного закона. Несмотря на то, что Витгенштейн не был совершенным противником использования механических моделей, он был недвусмысленно неудовлетворен определенными ключевыми аспектами механистической традиции, и в особенности понятием причинности. Например, в нашей культуре «естественно» думать, что ментальные или психологические состояния каузальным образом порождаются или связываются с состояниями мозга. Некоторые философы даже отождествляют ментальные состояния с состояниями мозга. Большинство из нас, будь то профессионалы или неспециалисты, не заходят настолько далеко, но мы и в самом деле допускаем (приблизительно), что сознание и мозг связаны, потому как мы принимаем, что события и процессы в мозге причинно обуславливают таковые в сознании. Витгенштейн отрицает это:

Почему не должно быть психологической закономерности, с которой не связано никакой физиологической закономерности? Если это нарушает наше понятие причинности, тогда это самое подходящее время для такого рода нарушения (Z §610).

Таким образом, верование в универсальную применимость категории причинности, и в частности психофизиологической причинности, кажется Витгенштейну более родственным мифу культуры, чем подлинной, самоочевидной истине.

Я рассмотрел некоторые из наиболее характерных категорий консервативного стиля мышления и представил свидетельства в виде цитат, для того, чтобы показать, что можно привести доводы в пользу того, что творчество Витгенштейна «вписывается» в этот стиль. То есть, оно удовлетворяет условиям, которые выделил Мангейм.

Сейчас вам может прийти в голову мысль о том, что это было немного наивное предприятие. Определенно, то, что было «удивительным совпадением» для одного человека, может и не впечатлить другого. Вы можете также поинтересоваться, был ли я предубежден в своем выборе материала, и выбирал ли я фрагменты без учета их контекста. Если вы сомневаетесь, то тогда я могу только пригласить вас проверить все самостоятельно. Прочитайте очерк Мангейма, прочитайте или перечитайте Витгенштейна, и посмотрите, что тогда придет вам на ум. Вы обнаружите намного, намного больше свидетельств, чем вам предоставил я. Текст Витгенштейна переполнен консервативными настроениями, связанными, например, с «болезненностью времени» (RFM II-§23), с не имеющим рациональных оснований характером нашей жизни, с необходимостью доверия, со случайностью вещей и так далее. Дальнейшие совпадения будут обнаружены в связи с темами приоритета бытия над мышлением, жизни над разумом и конкретного над абстрактным. Например, все обсуждение проблемы следования правилу может быть понято в этих терминах. Следование правилу представляется образцовым примером, демонстрирующим приоритет мышления над действием и, следовательно, теории над практикой... Следование правилу означает безусловное подчинение интеллектуальному схватыванию значения правила. Правило, как мы иногда расположены утверждать, «принуждает» нас продолжать определенным образом. Витгенштейн как раз и руководствовался целью отыграть явление следования правилам в пользу традиции, которая утверждает приоритет практики над теорией, то есть в пользу традиции, которую Мангейм называет «консерватизмом».

5. Обсуждение

Даже если вы расположены принять как правдоподобную ту стилистическую категоризацию, которую я предлагаю, вы, возможно, все еще хотите спросить: почему Витгенштейн писал как консервативный мыслитель? Или вы можете возразить, что отождествление его с мыслителями консервативного направления является просто добавлением к сбивающему с толку списку интерпретативных аналогий и сравнений, который я упомянул в начале. Чем именно эта интерпретация отличается от остальных? Позвольте мне вкратце затронуть каждый из этих вопросов.

Во-первых, почему Витгенштейн был консервативным мыслителем? В самом деле, как он мог им быть? Может показаться странным, что стиль,

зафиксированный Мангеймом в первой половине 19 столетия должен быть представлен мыслителем середины 20 столетия. Может показаться, что делая такого рода заявление я поступаю совершенно неисторическим образом.

Ответ на это вопрос будет найден при помощи рассмотрения исторического развития стиля естественного закона. Нам нужно проследить за его развитием с самого начала и до тех проявлений, в которых он манифестирует себя сегодня. Стиль естественного закона рос, изменялся и развивался пока не стал доминирующей «либерально-буржуазной» идеологией (как ее называет Мангейм) наших дней. С течением времени он, разумеется, пересматривался и изменялся. Он включил в себя эмпиризм и науку, или, скорее, определенный образ науки. Тем не менее существует связь между мышлением в рамках естественного закона конца 18 века и сегодняшней доминирующей смесью индивидуализма, рационализма, эмпиризма и сциентизма. Другими словами, существует непрерывная связь между историческим явлением, описанным Мангеймом, и идеями, которые в наше время принимаются по большей части как не подлежащие сомнению. Оставляя в стороне поклонение свободному рынку, именно интернационализм науки и рациональный авторитет ученого формируют тот образ, в котором сегодня находит свое выражение эта традиция — а это и есть то, что отрицал Витгенштейн.

Я не знаю, и насколько мне известно, никто не знает, почему отдельный индивидуум, называвшийся «Людвиг Витгенштейн» избрал, или был вынужден избрать такое воззрение. Я не могу предложить психологическое объяснение этого специфического, индивидуального явления. Однако, можно сказать, что много людей в центральной Европе в то время находили такую позицию привлекательной, так что в ней нет ничего удивительного¹⁰. Но если я и не могу читать в душе Витгенштейна, то я могу описывать то что он говорил, говорил совершенно убежденно и искренне. Он объявил, что ему безразлично, поймет ли «типичный западный ученый» его работу (CV p.7)¹¹. Он объявил, что личность подобного склада не будет способной оценить его работу «он в любом случае не поймет тот дух, в котором я пишу» (CV p.7)¹². Дух его работы, говорит Витгенштейн, является чем-то чуждым тому, что он называл «основным потоком европейской и американской цивилизации» (CV стр.6)¹³. Он был не слишком хорошего мнения об этой цивилизации. Он считал ее пустой и отличающейся пустым стремлением к тому, что мы называем «прогрессом»:

¹⁰ В дискуссионной книге Поля Формана «Веймарская культура, причинность и квантовая теория» приводятся полезные сведения на этот счет. (См. Forman, 1971.)

¹¹ Указ. соч. С. 418. — *Прим. перев.*

¹² Указ. соч. С. 419. — *Прим. перев.*

¹³ Указ. соч. С. 417. — *Прим. перев.*

Наша цивилизация характеризуется словом «прогресс». Прогресс — это ее форма, а не свойство, позволяющее ей прогрессировать. Она типично организационная цивилизация. Ее деятельность состоит в конструировании все более усложненной формы (CV p. 7)¹⁴.

Я привожу это для того, чтобы показать, что мы с удовольствием используем по отношению к нашим действиям слово «прогресс», даже если дела вообще не идут сколько-нибудь лучше. Мы связаны с определенными формами постоянно изменяющейся деятельности, все более усложняющей окружающие нас вещи, и мы не видим, что это может только *выглядеть как* прогресс, потому что наша точка зрения является ограниченной.

Это дает ключ, который был нам нужен. Это может объяснить, почему Витгенштейн подходит под категории Мангейма. Как более старый консервативный стиль, описанный Мангеймом, был реакцией на определенную идеологию, так и работа Витгенштейна была реакцией на позднюю форму той же самой идеологии. Сегодняшние позитивизм и сциентизм являются просто наследниками старой традиции естественного закона. Две реакции, одна из которых описана Мангеймом, а другая представлена Витгенштейном, являются реакциями на версии одного и того же, и сами по себе они принимают сходную форму. Таким образом, нет ничего загадочного в том, почему работа Витгенштейна удовлетворяет критериям консервативного стиля. Мы имеем механизм, который может каузально вызвать такого рода следствие и, следовательно, объяснить семейное сходство, которое поразило меня с огромной силой тогда, когда я параллельно читал Витгенштейна и Мангейма.

Я хотел бы добавить еще один пункт к этому объяснению. Старые доводы консерваторов долгое время были рассеяны в том, что можно назвать «культурной памятью». На протяжении длительного времени они были доступны в качестве ресурсов и моделей. Я не знаю, в какой мере сознательно Витгенштейн выбирал из этого репертуара, или же эти взгляды оказывали на него какое-то предварительное воздействие, но он был способен всерьез и сам по себе отрицать явный признак доминирующей научной идеологии. Недвусмысленные формулировки этой идеологии, так сказать обновленные версии традиции естественного закона были явным образом продемонстрированы в Вене того времени, а именно в работе Венского кружка. Нам, следовательно, не нужно спекулировать насчет «влияний» известных консервативных мыслителей, или сколько-нибудь беспокоиться в том случае, если окажется, что мы не можем их найти¹⁵.

Однако такого рода влияния нам известны, потому что мы имеем собственное высказывание Витгенштейна на этот счет. Оно касается одной

¹⁴ Указ. соч. С. 418. — Прим. перев.

¹⁵ Однако, в качестве свидетельства о консервативной культуре в окружении Витгенштейна, см. Nyiri (1976) и (1982).

примечательной книге, которую он считал чрезвычайно важной на протяжении 1920-х и 30-х годов. Это была книга Освальда Шпенглера *Закат Европы*, опубликованная в 1918-19 гг. Витгенштейн открыто упоминал Шпенглера в числе повлиявших на него мыслителей (CV p.19). *Закат Европы* была большим историческим трактатом иррационалистического толка, торжествующим по поводу упадка и смерти той культуры, против которой протестовал сам Витгенштейн: то есть западной научной культуры. Чрезвычайно показательно, что Шпенглер определил в качестве главной черты нашей увядающей культуры понятие причинности. Напомним, что именно от этого понятия Витгенштейн был бы рад отказаться. Если что-то и обнаруживает в Витгенштейне сына своего времени, так это его отношение к Шпенглеру. Еще раз повторюсь, никто не знает последних причин его позитивной, а не негативной реакции. (Отто Нейрат, напротив, отреагировал на Шпенглера чрезвычайно негативно¹⁶.) Но несмотря на то, что эти причины могут быть неясны, этот известный факт позитивной реакции Витгенштейна является ключевым в его ориентации. Он нам кое-что сообщает о интеллектуальной, культурной и идеологической обстановке, повлиявшей на его мышление.

Теперь позвольте мне перейти к некоторым другим поставленным мной вопросам и проблемам. Как насчет возражения, состоящего в том, что я просто предоставил еще одну интерпретацию, которая может пополнить приведенный мной в начале список? Конечно, с одной стороны, ответом на это возражение может быть только следующее: «Да, это еще одно прочтение среди всех остальных». И все же здесь есть некоторое различие. Предпочитаемая мной интерпретация обладает одним интересным свойством, а именно тем, что она может объяснить активное размножение других интерпретаций. Она также может помочь нам разрешить некоторые из тех проблем, с которыми сталкиваются эти соперничающие интерпретации. Можно сказать следующее: как консервативный мыслитель, Витгенштейн поставил себя вне основной идеологии нашей культуры — так как нет сомнений, что доминирующей идеологией является современная версия традиции естественного закона. Итак, Витгенштейн поместил себя снаружи, или на краю той культуры, в рамках которой читают его работы. Но те, кто находится в главном потоке, будут стремиться понимать его таким образом, как будто бы он был, скорее, внутри, чем вне ее. Они будут склоняться к тому, чтобы рассматривать Витгенштейна как проблематичный или девиантный случай этой основной культуры.

Вот иллюстрация этого процесса. Когда Витгенштейн подчеркивал роль обычаев, некоторые из его комментаторов, разделявших индивидуалистический образ мыслей, распространенный в академической культу-

¹⁶ См. его работу «Анти-Шпенглер», опубликованную в переводе на английский в Neurath (1973).

ре, посчитали возможным напомнить себе, что существует индивидуалистическая интерпретация понятия «обычай». Разве мы не можем говорить о привычных или обычных для индивида моделях поведения? Чем же является тогда обычай, если не простым повторением? Очевидно что личность может повторять действие. Если бы Витгенштейн имел в виду *социальный* обычай, когда он говорил «обычай», и если бы он имел в виду *социальный* институт, когда он говорил «институт», он должен был бы (говорят они) непременно отметить это. Именно таким образом индивидуалист может прочесть апелляцию Витгенштейна к обычаю и продолжать считать, что Витгенштейн был индивидуалистом. Могу уверить вас, что я не преувеличиваю. Это именно та интерпретация, которую можно найти в книгах Бэйкера и Хакера *Правила, скептицизм и язык* (1984) и Мак-Гинна *Витгенштейн о значении* (1984).

Не все принимают это индивидуалистическое прочтение, но даже те, кто не разделяют данную позицию, те кто считает ее натянутой и непригодной, часто принимают альтернативного, «социологического Витгенштейна» не более чем за скептика. Согласно этой точке зрения, объяснить что-либо как (просто) обычай означает принизить или вызвать сомнение в его статусе. Итак, на самом деле это не слишком сильно отличается в своих базовых предпосылках от предыдущей позиции. Каркас все тот же, а единственная разница заключается в том, где именно располагают Витгенштейна внутри этого каркаса. Например, этот подход может быть обнаружен даже в выдающейся в других отношениях работе Крипке *Витгенштейн о правилах и приватном языке* (1982). Истина состоит в том, что Витгенштейн и был скептиком, и не был им. Он был скептиком по отношению к знанию, которое истолковывается в идиомах сциентизма, индивидуализма и рационализма, но не был им в том случае, когда оно истолковывается в терминах традиции, обычая и конвенции. Ясно, что все это обладает смыслом только в том случае, если рассматривать это терминах его приверженности к консервативной традиции, а не традиции естественного закона.

Подобные замечания можно сделать и применительно к дискуссии вокруг приписываемого Витгенштейну бихевиоризма. Факт состоит в том, что он выглядит и похожим, и не похожим на бихевиориста. Когда он говорит, что понимание не является ментальным процессом (PI §154), или что ничто не было большим заблуждением, чем называть значение ментальной деятельностью (PI §693), он выглядит как радикальный бихевиорист, но он сходит с этого пути, отрицая свою приверженность бихевиоризму (см. PI §304, §307, §308). Не удивительно, что его замечания кажутся запутывающими. Такого рода конфликт будут иметь смысл в том случае, если мы посмотрим на него как на консервативного мыслителя. Такой человек и в самом деле будет преуменьшать значимость индивидуальной субъективности. Во главе угла будет находиться, скорее, покор-

ность, чем собственное суждение. Когда такого рода позиция истолковывается с индивидуалистических позиций, то, конечно, кажется, что здесь имеет место отрицание реальности сознательного разума. Но это не так: здесь имеет место отрицание того понимания индивидуального сознания, которое предлагают индивидуалисты.

То же самое применимо и к отголоскам идеализма и кантианства. Как консерватор, Витгенштейн основывал свой анализ знания на том, что коллективно предполагается, и никогда не задавался вопросом о том, что именно оказывает определяющее воздействие на форму жизни. Если пересказать это в буржуазных, индивидуалистических терминах, это звучит так, как будто речь идет о ноуменальных аспектах индивидуального сознания, то есть о бессознательных категориях, наполняющих наши субъективные переживания. В действительности речь идет не об этом. Здесь говорится о характерной черте социальной жизни, а именно о ее неререфлексивном характере, который принимается как нечто само собой разумеющееся. Однако такое тонкое социологическое понимание работы Витгенштейна слишком часто искажается его читателями, разделяющими чуждые ему индивидуалистические предпосылки. Результатом является то, что послание, заключающееся в его творчестве, кажется запутанным и противоречивым¹⁷.

Мангейм (1953) изящно обозначил источник этой проблемы, когда говорил:

Консерватизм не просто стремится думать «несколько иначе» чем его либеральные оппоненты, *он хочет мыслить это по-другому* (р. 116).

Это кажется истинным по отношению к Витгенштейну. Он не просто думал несколько иначе, он мыслил иным способом. Он сам говорит нам об этом:

В каком-то смысле я пропагандирую один стиль мышления в противоположность другому. На самом деле другой внушает мне отвращение (LCA p. 28)¹⁸.

Совершенно в духе Витгенштейна — не назвать этот стиль. Он просто его показывает. Надеюсь, я привел вам некоторые основания для того, чтобы вы могли теперь опознать и назвать этот стиль. Витгенштейн пропагандировал консервативный стиль мышления, который противоположен индивидуализму и рационализму Просвещения.

Эдинбург

⁸ По поводу детального рассмотрения достоинств прочтения Крипке относительно индивидуалистического прочтения см. Bloog (1997). Бихевиористское толкование Витгенштейна более детально обсуждается в Bloog (1999), а идеалистическое прочтение в Bloog (1996).

¹⁸ Л. Витгенштейн. Лекции и беседы об эстетике, психологии и религии. М., 1999. С. 38. — *Прим. перев.*

- Baker, G. P. and Hacker, P. M. S. (1984). *Scepticism, Rules and Language*. Oxford: Blackwell.
- Bloor, D. (1996). The Question of Linguistic Idealism Revisited. In: H. Sluga and D. Stern (Eds.), *The Cambridge Companion to Wittgenstein*. Cambridge: C.U.P.
- Bloor, D. (1997). *Wittgenstein on Rules and Institutions*. London: Routledge.
- Bloor, D. (1999). Wittgenstein's Behaviorism. In: W. O'Donohue and R. Kitchener (Eds.) *The Handbook of Behaviorism*. New York: Academic Press.
- Burke, E. (1910). *Reflections on French Revolution and Other Essays*. Intro. By A. J. Grieve, Everymans Library, London: J. M. Dent.
- Forman, P. (1971). Weimar Culture, Causality and Quantum Theory, 1918-1927: Adaptation by German Physicists and Mathematicians to a Hostile Intellectual Environment. *Historical Studies in the Physical Sciences* 3, 1-115.
- Kripke, S. (1982). *Wittgenstein on Rules and Private Language*. Oxford: Blackwell.
- Mannheim, K. (1953). *Essays on Sociology and Social Psychology*. London: Routledge and Kegan Paul.
- McGinn, C. (1984). *Wittgenstein on Meaning: An Interpretation and Evaluation*. Oxford: Blackwell.
- Nyiri, J. (1976). Wittgenstein's New Traditionalism. *Acta Philosophica Fennica* 28, 503-512.
- Nyiri, J. (1982). Wittgenstein's Later Work in Relation to Conservatism. In: B. McGuinness (Ed.), *Wittgenstein and his Times*. Oxford: Blackwell, pp. 44-68.
- Neurath, O. (1973). *Empiricism and Sociology*. Dordrecht: Reidel.
- Spengler, O. (1918). *The Decline of the West*. Trans. By F. Atkinson, London: Allen and Unwin, 1926.
- Walsh, W. (1963). *Metaphysics*. London: Hutchinson.
- Winch, P. (1965). *The Idea of Social Science*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Wittgenstein, L. (1967). *Philosophical Investigations*. Oxford: Blackwell.
- Wittgenstein, L. (1970). *Lectures and Conversations on Aesthetics, Psychology and Religious Belief*. Oxford: Blackwell.
- Wittgenstein, L. (1976). *Wittgenstein's Lectures on the Foundations of Mathematics, Cambridge 1939*. Ed. C. Diamond, Brighton: Harvester Press.
- Wittgenstein, L. (1978). *Remarks on the Foundations of Mathematics*. Oxford: Blackwell.
- Wittgenstein, L. (1980). *Culture and Value*. Oxford: Blackwell.

*Перевод с английского А. Веретенникова по изданию
David Bloor, Wittgenstein as a Conservative Thinker //
Kusch, Martin (ed.). The Sociology of Philosophical
Knowledge. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2000,
p. 1-14.*